

Алексей ЛОБИН,
кандидат исторических наук

МИФЫ ОРШАНСКОЙ БИТВЫ

8 сентября 1514 года на широком поле близ Орши сошлись польско-литовские войска под командованием князя Константина Острожского и русская рать воевод Ивана Челядина и Михаила Булгакова-Голицы. В ходе продолжительного боя воеводы государя Василия Ивановича потерпели жестокое поражение.

РОДОСЛОВНАЯ МИФОВ

Это была первая крупная полевая победа Великого княжества Литовского (ВКЛ) в противостоянии Московскому государству. Традиционная версия событий о грандиозном разгроме 80-тысячной армии московитов почти в три раза меньшими силами великого князя литовского была изложена в классических трудах Карамзина и Соловьёва. Современные российские историки часто используют клише, созданное их предшественниками. В ряде польских, и особенно — белорусских работ преобладает пропагандистский оттенок.

В Беларуси после 1991 года день Оршанской битвы на государственном уровне стал называться «Днём воинской славы». 8 сентября 1992 года в Минске были приведены к присяге солдаты и офицеры только что созданной армии Республики Беларусь.

С приходом к власти Лукашенко эту дату перестали праздновать на государственном уровне, но оппозиция каждый год отмечает её на Крапивенском поле, где проводятся концерты и народные гуляния. Там также принимают участие видные политики и историки, которые в своих выступлениях рассказывают о грандиозных масштабах сражения 1514 года и о незаурядном полководческом таланте князя Острожского. Периодически с трибун звучат речи о необходимости возведения мемориала, «достойного славных предков нынешних белорусов». Также ораторы предлагают праздновать «День воинской славы» на государственном уровне, поскольку «в 1514 году решалась судьба будущего белорусской нации», а «подвиг героев Оршанской битвы, которые разгромили втрое превосходящее войско Московского государства, всегда будет сиять яркой страницей в истории Беларуси и освещать путь нынешнему и будущему поколениям патриотов».

Пропагандистские штампы, появившиеся в первой половине XVI столетия, в настоящее время нередко возводятся

в разряд достоверных сведений и кочуют из работы в работу. Вместо скрупулёзного анализа всех источников, поиска и публикаций новых документов, многие исследователи предпочитают подобно заклинанию повторять избитые фразы о том, что войска ВКЛ «разгромили втрое превосходящего противника» и «остановили интервенцию Москвы».

Любой исследователь знает, что в ситуации, когда штампы прочно впились в ткань исторических повествований, достаточно сложно докопаться до истины. Для того чтобы выявить основные мифы об Оршанской битве, необходимо не только пересмотреть все известные источники, но и проанализировать документы, ранее мало привлекавшие внимание историков. Это, прежде всего, неопубликованные акты Литовской метрики, дипломатические бумаги, собранные выдающимися историографами Станиславом Гурским и Марино Сануто, разрядные записи и хроники-летописи.

МОСКОВСКАЯ АРМИЯ ПОД ОРШЕЙ

Битве 8 сентября 1514 года предшествовал третий «государев поход» Василия III Ивановича на Смоленск в апреле того же года. Великий князь литовский и король польский Сигизмунд I Казимирович срочно стал собирать войска на помощь городу. Однако Смоленск был обложен плотным кольцом и после продолжительной бомбардировки, 30 июля, открыл ворота. Вскоре под руку московского государя перешли Мстиславль, Кричев и Дубровно.

К моменту капитуляции Смоленска на оршанском направлении действовал воевода В. Шадрин с несколькими сотнями поместной конницы. Вскоре Оршу блокировали отряд князя М. И. Глинского, состоявший из 1000 всадников, и «лѣхкая» рать М. И. Булгакова-Голицы, сформированная в Великих Луках из новгородских и псковских детей боярских.

Это были летучие отряды, «загоны», которые растворились в пограничной территории противника в районах Минска,

Друцка, Орши и Борисова, занимаясь привычным для Средневековья ремеслом — разорением территории противника и сбором разведывательной информации.

Как свидетельствует официальная летопись, после взятия Смоленска государь Василий Иванович с основной армией «надвигся к Дорогобужу, а многих князей и воивод с силою постави от литвы по дорогам к Смоленску стерегучи».

Интриган и авантюрист князь Михаил Глинский передал Сигизмунду сведения о дислокации и численности русских сил. Причиной измены имперский посол Сигизмунд Герберштейн считал недовольство князя тем, что Василий III обещал ему Смоленск в вотчину, но обещания своего не исполнил. В начале сентября 1514-го Глинский решил бежать. Но в пути он и его слуги были арестованы князем Михаилом Булгаковым, который с детьми боярскими сумел перехватить беглецов. У Глинского нашли подмётные письма, доказывающие его тайные сношения с Сигизмундом. Стало очевидно, что польско-литовская армия была прекрасно осведомлена о планах русских, дислокации и численности отрядов.

Необходимо было срочно собрать воедино рассеянную группировку и защищать днепровский рубеж. Этот эпизод изложен в Шумиловском списке Никоновской летописи: «...И князь великий Глинскаго оковав, послал на Москву и велел его заточити. А по изменников Глинского ссылке для его споны послал на Дрютские поля со князем Михаилом (Булгаковым. — А. Л.) снятися бояр своих Григория Фёдоровича да конюшего и боярина своего Ивана Андреевича и иных воевод с людьми своего дела беречи... а велел им постояти на Непре». Корпус Г. Ф. Давыдова и И. А. Челядина, выделенный великим князем из состава главной армии, должен был усилить группировку Булгакова-Голицы. В распоряжении также содержался указ собрать рассредоточенные по литовской территории отряды на Днепре — «и всем воеводам за собою идти».

Начало сражения под Оршей. Гравюра из книги Марчина Бельского «Хроника польская». 1597 г.

Каковы были силы, сосредоточенные на Смоленском направлении? Прежде всего, следует отказаться от сведений о численности, которые фигурируют в пропагандистской периодике первой половины XVI столетия. «Восемьдесят тысяч человек» (*«ex octoginta milibus hominum»*) — цифра, находящаяся абсолютно за гранью реальности. Московское государство к 1514 году не могло располагать таким огромным числом крестьянских дворов и земельных наделов, чтобы собрать целую орду вооружённых всадников (конный воин выставлялся со 100 четвертей «доброй угодной земли» или с 20 дворов).

Изучение разрядных книг, списков плененных, родословцев, синодиков и других источников позволяет определить размер армии Василия III — до 15 служилых корпораций поместной конницы. Помимо отрядов касимовских татар Сивиндук-мурзы Мадыхова и великокняжеского двора под командованием ясельничего Ратая Ширяева другие помещики — новгородцы, псковичи, тверичане, боровичи, волочане, муромчане и другие — могли выставить в поле с боевыми холопами не

более 10–12 тысяч конных воинов. О том, что со стороны русских сражались только кавалерийские части, свидетельствуют и польские источники — как писал Марчин Бельский, «ни пехоты, ни артиллерии у них не было, а сами же были обременены доспехами». Естественно, в дальний поход выходила не вся служилая корпорация, а только те, кто мог нести «дальнюю службу», то есть помещики и вотчинники с хорошей «конностью, людностью и оруженностью».

Под Оршей мы не видим первых воевод — таких как герой Ведроши и взятия Смоленска Данила Щеня или боярин Василий Шуйский. Напротив, войска возглавляли воеводы, фигурировавшие в разрядах на вторых и третьих местах. Основная армия с большим числом пехоты осталась в Дорогобуже и Смоленске.

Таким образом, говорить о каких-либо планах глубокого вторжения и угрозе независимости ВКЛ накануне Орши не приходится. Имели место диверсионные действия русских отрядов в приграни-

чье и их сбор на левом берегу Днепра. За пять дней до ареста Глинского польско-литовская армия, информированная о составе, численности и дислокации противника, уже выдвинулась к Орше из Борисова. Рассеянные по территории противника московские отряды часто действовали вслепую и не смогли собраться к назначенному сроку. «А сила не нарядна была, а инии в отъезде были» — читаем в летописи.

ВЕДОМЫЕ КОРОЛЕВСКИМ СТИПЕНДИУМОМ*

Основу вооружённых сил ВКЛ составляло ополчение («посполитое рушение»), созываемое накануне кампании. В 1502 году, когда на сейме в Новогрудке с панами-радой и прелатами великий князь Александр установил мобилизационную норму — один ратник «в зброе, на коне и с древцом» с 10 «служб» (то есть с 20–30 крестьянских дворов).

В историографии можно встретить разные оценки численности королевских войск — от 16 до 35 тысяч, и все они базируются на сведениях польских и литовских хроник. Существует ли возможность определить размер объединённой армии?

Сохранились подробные свидетельства о комплектовании армии с апреля по август 1514-го, позволяющие утверждать, что численность воинства князя Острожского была гораздо меньше той численности, которая была озвучена в официальных сообщениях королевской канцелярии. Согласно переписи войска 1528 года и другим документам, в первой половине XVI столетия «посполитое рушение» насчитывало всего 20–25 тысяч человек.

Окружная грамота Сигизмунда о выступлении в поход от 24 мая 1514 года затрагивала большинство земель ВКЛ, с которых можно было выставить максимум 16 тысяч воинов. Войска должны были собираться в Минске к 24 июня. Всем уклонившимся от службы были обещаны жестокие репрессии вплоть до смертной казни и конфискации имений. Но прошёл месяц, другой, а шляхта так и не явилась в пункт сбора. К 18 июля, спустя почти месяц после окончания сборов, по реестрам насчитывалось чуть более 2000 воинов, пришедших на призыв своего государя. Тщетно Сигизмунд Казимирович пытался собрать «посполитое рушение»: к началу августа большинство шляхты продолжало игнорировать мобилизацию. В письмах великого князя литовского и епископа Петра Томицкого можно встретить явно

*Цитата из сочинения Гурского «В год Господень 1514-й». Здесь стипендиум (лат. *stipendium*) — военное жалование.

раздражённые нотки. К концу августа всеми правдами и неправдами удалось собрать до 8000 воинов. С такими силами вряд ли можно было рассчитывать на успешный поход, если бы армию не пополнили вовремя пришедшие «солдаты удачи» и польские добровольцы.

Мобилизация в ВКЛ практически всегда проводилась одновременно с призывом наёмников-жолнеров («*söldner*»), которых ценили прежде всего за качество, за профессионализм и стойкость на поле боя. Наёмные войска являлись важным элементом вооружённых сил ВКЛ и несли военную службу за фиксированную плату. «Солдаты удачи» были неплохо экипированы и отличались хорошей боеготовностью. Основными конными и пешими подразделениями являлись роты, во главе которых стояли ротмистры, а юридическим документом найма служили вербовочные листы («*litterae servitii militaris*»), фиксирующие условия службы, размер жалования, цены на продукты и фураж.

К марту 1514-го, вследствие неудовлетворительного состояния казны, на Петроковском сейме было решено нанять не 12 тысяч, как планировалось ранее, а только 7000 («*septem millia hominum*») профессиональных солдат. Наёмников набирали для войны двумя этапами. 29 апреля было выплачено жалование 2063 конным и 2000 пешим жолнерам, а 20 мая планировалось нанять ещё 1600 конницы и 1000 пехоты. Всего на войну с москвитями отправилось 20 конных и 15 пеших рот (6663 человек).

В вербовочных списках наёмников можно встретить таких профессионалов, как ротмистры Дамбровский, Рапата и Шимка по прозвищу «Колченогий» (Кулгавый), активно участвовавших в войнах начала XVI века. Среди списков «служебных» можно встретить и ветеранов, например ротмистры Сецигновский и Искжицкий числились в наёмниках ещё с 1489 года.

На удивление наёмники собирались более организованно. Послания Сигизмунда с просьбой поторопиться к Минску касались только трёх рот — Н. Кжоновского, Яна и Анджея Боратинских, которые позже нагнали войска и участвовали в первых боевых столкновениях 28 августа.

Помимо этих сил под Оршу отправилась надворная королевская хоругвь Войцеха Самполинского и отряд Яна Тарновского, состоявший из десяти хоругвей добровольцев из польской шляхты — всего до 2000–2500 человек.

Таким образом, благодаря вовремя начатым мероприятиям по вербовке и поддержке Короны, великому князю Литовскому удалось значительно компенсиро-

вать недостаток сил в ополчении. Общая численность вооружённых сил, выдвинутых из Минска к Борисову, достигала внушительной цифры — 16 000 человек.

К этому времени, уже получив от князя Михаила Глинского подробные сведения о русских отрядах, Сигизмунд решает оставить при себе 4000 воинов, справедливо полагая, что выделенных сил вполне хватит. После смотра на Борисовских полях войско под командованием Острожского и Я. Сверчовского выдвинулось к Орше...

Здесь уместен вопрос — откуда в источниках появились столь разные цифры — от 16 до 35 тысяч? Примечательны условия, в которых создавалась масштабная ягеллонская пропаганда. Рассказывая о разгроме «Москвы», численность которой «всем известна» (80 000), необходимо было продемонстрировать европейцам (в том числе и потенциальным врагам — тевтонскому магистру, например) грандиозность сражения, показать сильную армию короля, сплочённую общими интересами и ненавистью к «тьмочисленным» варварам. Ведь далеко не каждый европейский правитель мог собрать в 1514-м войско в 33–35 тысяч человек. По меркам XVI века это очень крупные силы.

Подойдя к Днепру, королевские роты сбили с позиций сторожевые отряды на Бобре-реке и на Дровне и направились к переправе. На противоположной стороне Днепра, у брода, спешно собирались русские воеводы, выполняя приказ государя «стояти на Непре».

Каким образом польско-литовской армии удалось переправиться на другой берег широкой реки? По польским сведениям (их потом использовал Герберштейн), главный воевода Иван Челядин якобы надменно заявил, что, дескать, им не следует уничтожать ту половину, которая переправляется, а лучше уничтожить всё войско. На самом деле этот рассказ — легенда: необходимо было в очередной раз подчеркнуть «тьмочисленность» москвитов и показать их надменность.

И в русских, и в польских источниках сохранились свидетельства о переговорах между главнокомандующими. По одним данным они состоялись на Березине, по другим — на Днепре. Пока шли переговоры, пишет архангелогородский летописец, «литва верх по Березине за 15 верст выше перевезошася к москвичем, и придоша Литва сторонь безвестно на москвичь». В «томицианских актах» говорится, что во время переговоров королевские воины «оставили на этом берегу (Днепра — А. Л.) у входа на брод некоторое количество легковооружённых воинов, которые гарцевали и давали москвитам рассмотреть, создавая у них впечатление

[присутствия войска], тогда как войско короля не оставалось на месте, а в другом месте делало мост из челнов и брёвен, переправляло на другой берег Борисфена бомбарды, военные машины и пехоту...».

Так или иначе, но королевской армии удалось переправиться. Путём ложной демонстрации сил получилось ввести в заблуждение воевод и перейти через реку не в том месте, где ожидалось. Польская кавалерия прикрыла строящуюся переправу, по которой перешла литовская конница и пехота с артиллерией.

Когда войска встретились, то московским воеводам ничего не оставалось, как бить по слабым флангам врага с надеждой зайти в тыл неприятелю, а не по сильному центру, против которого им нечего было противопоставить. Но при такой конфигурации построений королевские войска могли выделять из глубокоэшелонированного центра силы для контрударов и перебрасывать их на фланги в помощь своим лёгким соединениям. В итоге это и произошло на Оршанском поле 8 сентября 1514 года.

В ДЕНЬ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Генеральное сражение между русскими и польско-литовскими войсками произошло в знаменательный день — Рождества Богородицы. 124 годами ранее в этот день сошлись в кровавой сечи войска великого князя Дмитрия Ивановича и Мамаю.

Наверное, каждая из противоборствующих сторон утром 8 сентября молилась Богородице о даровании победы. Одни совершали молебен о помощи против «литвы» и «безбожных латынян», другие просили небесные силы помочь в борьбе с «москвитами» (в ту пору значительная часть литовского войска была православной) и «схизматиками».

Бой начал отчаянной атакой полк правой руки под командованием Михаила Булгакова-Голицы. Прозвище «Голица» за ним закрепилось, как гласит предание, от привычки носить железную перчатку («голицу») на одной руке. Следует заметить, что от него и пошёл род князей Голицыных. Даже скупые свидетельства начала XVI века показывают, что Михаил Иванович был смелым, решительным человеком и обладал суровым, воинственным нравом.

Воевода действовал по собственному почину, без согласования с воеводой Челядиным, с которым у него были натянутые отношения из-за местнического спора. Булгаков-Голица стремился лишиться манёвра противника, атаковать фланг и зайти в тыл. По традиции, осыпав врага градом стрел, новгородцы и псковичи врубались в боевые построения польских

хоругвей. Погиб от стрел и сабель один из представителей знатного рода Зборовских Ян, копытами новгородских лошадей был затоптан «сиятельный барон» Слупецкий. Атака поначалу развивалась успешно, дважды хоругви Тарновского и Самполинского контратаковали, пока, наконец, контратаку не возглавил гетман Януш Сверчовский со своими латниками. Войска Василия III были отброшены. Полк правой руки бился с противником при полном бездействии остальных частей. Вот что пишет Архангелогородский летописец о местных спорах воевод: «И нача первое битися князь Михайло Голица..., а Иван Андреевич в зависти не поможе князю Михаилу. И бившеся много и разступившись розно».

Видя неудачу правого крыла, воевода Челядин принял решение ввести в сражение главные силы. Воевода передового полка князь Иван Тёмка-Ростовский атаковал глубокие построения наёмной пехоты, прикрытой большими прямоугольными щитами — павезами, а князь Иван Пронский повёл полк левой руки на литовское «посполитое рушение». Подопечные Юрия Радзивилла умышленно отступили, заманив тем самым беспечных противников в узкое дефиле между оврагом и ельником. Грохот полевых орудий из засады стал общим сигналом для контратаки: «И биша из лесов великого князя людей и убиша ис пушки в передовом полку воеводу князя Ивана Ивановича Тёмку Ростовского». Поместная конница в панике стала отступать. «И вдруге Литва пришла на Ивана Андреевича, и начать Иван Андреевич своим полком битися с Литвою», теперь уже «князь Михайло Ивану Андреевичю не поможе». Несогласованные действия воевод привели к жестокому поражению московской рати.

Основные потери армия Василия Ивановича понесла не в ходе сражения, а при беспорядочном отступлении. Факт гибели части московского войска на крутых берегах Кропивны подтверждается свидетельством Псковской летописи: «Иные побегоша к Смоленску, а иные в реки непроходимые забегоша».

Описывая поле битвы, секретарь королевы Боны Сфорца Станислав Гурский нарисовал поистине апокалиптическую картину: «В этом бегстве произошло избиение московитов. На поле были видны претерпевшие убийство тела, с вытекшей на землю кровью, лежащие без голов, рук или ног, а у иных голова была разбита молотом или рассечена надвое, у кого обнажён позвоночник, у кого выпали кишки, у кого отсечено от тела плечо с рукой, у кого разбиты мечом лицо или рот, кто разрублен от головы до пупа, в ком торчало

копье, кто стонал, кто испускал дух, кто раздавлен конями, кто завален огромными тушами лошадей».

«ОРШАНСКИЙ ТРИУМФ»

Ещё не были погребены все павшие на поле сражения, как королевская канцелярия составила первые официальные известия о великой победе.

По сообщению венецианского посла в Венгрии доктора Антонио Сурьяни, одно из первых посланий получил венгерский король Владислав. Сообщение от Сигизмунда датировано 12 сентября и написано было, по-видимому, в лагере под Борисовом (*in castris apud Burisson*). Вести с литовско-русского фронта в Венецию доходили достаточно оперативно — за полторы недели. Венецианская синьория узнала от польского короля о грандиозном сражении, в ходе которого из 80 тысяч врагов 30 тысяч убито в сражении, 8 главных воевод и консилариев (*vayvodse et consiliarij*), 37 князей, баронов и знатных дворян, помимо этого 1500 воинов попало в неволю. Письмо подобного содержания было отправлено 18 сентября папе римскому Льву X, однако число пленных дворян указано ещё больше: 2000 человек. Послания с известиями о победе почти одновременно получили епископ Ян Кокарский и кардинал Джулио Медичи.

Попутно в послании архиепископу Яну Ласкому 25 сентября король озвучил другие цифры: он якобы видел «простёртые на 8 римских миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч».

Впоследствии число убитых московитов возросло до 40 тысяч. Канцелярия Сигизмунда в своих действиях не была последовательна и ещё не определилась с окончательным «подсчётом» потерь противника, однако поспешила распространить первые официальные известия, в которых отсутствовала какая-либо целостная картина битвы. Данные о численности войск брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять тем или иным сведениям, вышедшим из-под пера королевской канцелярии с одной целью — с помощью «тьмочисленных» цифр произвести грандиозное впечатление.

Когда воины князя Константина Острожского, ходившие под Смоленск, вернулись «не солоно хлебавши», потеряв под стенами крепости часть обоза, перед канцелярией были поставлены следующие задачи: во-первых, сгладить неудачу под Смоленском, во-вторых, усилить пропагандистский эффект от Оршанской битвы. Тогда же появились первые сооб-

щения, в которых именно польская Корона выступала форпостом католического Запада против «схизматиков». Создателям реляций и панегириков не смутил тот факт, что оршанский победитель князь Острожский, как и многие его подчинённые, были православными, то бишь теми самыми «схизматиками».

В новых известиях, предназначенных для западных европейцев, особо подчёркивалась роль «польских легионов, превосходящих и искусностью в военном деле, и силой духа и тела, и крепостью ужасных коней». О литовцах либо вообще не упоминалось, либо упоминалось вскользь.

Особо следует сказать о пленных. Если в польских сочинениях фигурировали 1500–2000 пленников, то в белорусско-литовских летописях остались более скромные цифры. Так, «Хроника Литовская и Жмойтская» свидетельствует, что «детей боярских живых приведено личбою 596», а Евреиновская летопись упоминает только 380 полоняников. Сохранившиеся списки «московских вязней» 1514–1538 годов перечисляют ещё меньше — не более двух сотен человек. Ещё несколько пленников Сигизмунд отправил в Венгрию, Венецию и Италию. Часть из них была по пути отбита по приказу императора Максимилиана и возвращена в Москву.

Почти весь командный состав русской рати либо погиб, либо попал в плен. В «реестрах московских вязней» перечислены имена пленных воевод и князей: Челядин, Булгаков-Голица, Пронский, И. С. Семейка-Ярославский, Д. Китаев-Новосельцев, И. Пупок-Колычев, предводитель мещерских татар Сивиндук-мурза, Борис и Пётр Ромодановские, К. Д. Засекин, Пётр и Семён Путятичи, Борис и Иван Стародубские, И. С. Селеховский и другие. Горькую судьбу полоня разделил вместе с товарищами отец будущего опричника Алексея Басманова Данила Басман.

На страницах ряда современных нам периодических изданий и брошюр ещё можно встретить утверждение, что якобы государь Василий Иванович, бессильный наказать виновных воевод, не пожелал выкупа, предоставив им гнить в литовских тюрьмах. Это опять-таки не более чем миф — достаточно посмотреть записи переговоров 1522–1538 годов, чтобы убедиться в том, что московская дипломатическая служба прикладывала немало усилий для выкупа, обмена или облегчения условий содержания пленников. «И Жигимонт бы и ныне учинил по тому... — говорили послы, — и свободу бы им учинил, тягость бы с них всю велел снятии». На переговорах многократно — вплоть до 1530-х годов — московские послы предлагали произвести обмен по принципу «всех на

всех» («пленных свободити и отпустити»), то есть огромный полон, захваченный в ходе рейдов по Литве обменять на воевод и детей боярских, пленённых у Орши. Однако король своего согласия не дал...

Участь пленников не была завидной. Главный воевода Челядин «в Литве главу свою положил», также как и многие другие «вязни». Булгаков-Голица пережил всех своих соратников, с которыми сражался на поле под Оршей. Ему удалось в конце жизни выбраться в Россию. В темнице и заточении он находился целых 38 лет (1514–1552) и был выпущен на волю уже глубоким стариком. Последние годы жизни князь Михаил провёл в Троице-Сергиевой Лавре — он принял схиму под именем инока Иона. Скончался он в августе 1554-го и был похоронен у северной стороны в Троицком соборе.

«БИТВА ЕЎРАПЕЙСКАГА ЗНАЧЭННЯ»?

Итак, в битве под Оршей принимали участие более-менее равночисленные силы — по 10–12 тысяч человек с каждой стороны. По меркам средневековой Европы это крупные силы. Победа в упорном сражении, длившемся «с 2 часов по полудню до захода солнца», досталась лучше вооружённой и тактически подготовленной стороне.

Каковы же главные итоги сражения? После того, как первые добежавшие до Смоленска участники битвы поведали о разгроме, государь направился к Москве, оставив с боярином Василием Шуйским сильный гарнизон. Вместе с великим князем двинулся и Данила Щеня с осадным корпусом. Стало очевидно, что противостоять в открытом поле профессиональной армии, в составе которой были наёмники, тяжёлые копейщики, гусары и полевая артиллерия, невозможно. На военном совете было решено перейти к обороне. Основная часть бывшей осадной армии отступала к Москве, а перед смоленским гарнизоном была поставлена главная задача — удержать Смоленск. Несомненно, среди многих воинов господствовали панические настроения. Вновь переметнулись к великому князю литовскому Мстиславлю и небольшие крепости — Дубровно и Кричев. В самом Смоленске появилась группа, возглавляемая епископом Варсонофием, предлагавшая сдать город. Однако измена была вовремя открыта наместником Шуйским, а штурм войск князя Острожского отбит с большими потерями для штурмующих.

Поскольку главная цель — деблокада Смоленска — не была достигнута, естественно, канцелярия Сигизмунда Старого

изрядно постаралась, чтобы затушевать этот эпизод описанием масштабов «великой битвы» и трофеев.

Интересно отметить двойственность позиции короля. Казалось бы, триумф Оршанской битвы открывал перед ним широкие планы разгрома опасного соседа. В сентябрьских сообщениях Сигизмунд ещё надеялся по горячим следам отвоевать Смоленск. Когда затея провалилась, то тон в посланиях стал менее воинственен. Если крымского хана Менгли-Гирея король спешил обнадёжить обещаниями «в землю неприятеля нашего тягнути, шкоды чинити и обиды наше мстити», то своего брата — венгерского короля Владислава — в то же время просил о помощи в примирении с сильным соперником. Сигизмунд прекрасно понимал, что после роспуска «посполитого рушения» по домам собрать на новую кампанию 1515 года войско будет ещё сложнее, чем в 1514-м, а войска Василия Ивановича не преминут начать ответные военные действия. Осознавал также король, что уничтожить главные силы «московитов» у него не получилось.

В ряде современных работ, главным образом польских, белорусских и литовских, можно встретить суждение, будто бы «победа в битве спасла Литву от нашествия». Подобные утверждения восходят к победным реляциям 1514–1515 годов. Однако серьёзно относиться к этому не стоит: ни малочисленный отряд Булгакова-Голицы, отправленный на опустошение приграничных районов у Орши и Друцка, ни рать Челядина, пришедшая для защиты смоленского направления, не угрожали независимости ВКЛ.

Считается, что, потрясённый европейскими известиями о поражении союзников-московитов, император Максимилиан стал искать примирения с Сигизмундом и отказался подписать договор с Василием III, из-за чего широкая коалиция против Польской Короны и ВКЛ распалась. Однако изучение дипломатических документов показывает, что проект союза распался ещё до легендарного сражения.

Хитрый «цесарь» решил не связывать себя обязательствами, оговорёнными его же послом Шнитценпаумером в Москве в марте 1514 года. К «Иванову дню» (24 июня) имперские войска должны были выступить против Польши, тем самым связать её боевыми действиями и не допустить оказания помощи ВКЛ. Но война так и не состоялась, а польские отряды в скором времени пополнили войска Константина Острожского. Таким образом, ещё задолго до Оршанской битвы Максимилиан не проявлял желаний участвовать в кампании, предоставив эту возможность союзникам. В текст договора, заключён-

ного Шнитценпаумером весной, 4 августа, были внесены значительные изменения: вместо чётких пунктов о совместной войне против Ягеллонов предлагалось прежде попытаться мирным путём склонять польского короля к удовлетворению требований союзников и только в случае его отказа исполнить эти требования открыть военные действия. Василий Иванович категорически отказался от такого изменения в содержании грамот, что в итоге привело к «заморозке» союза с Австрией.

Московское государство не лишилось своего военного потенциала — уже через несколько месяцев воеводские полки опустошали Литву. К Мстиславлю ходила рать Б. И. Горбатого и С. Ф. Курбского, к Белой и Витебску — отряд В. Д. Годунова, к Дорогобужу — воевода Щеня. Дерзким набегом 28 января 1515 года псковским наместником А. В. Сабуровым был взят Рославль. Зимой 1515-го опустошительным смерчем прошла армия Василия Шуйского по Литовской земле. По справедливому замечанию А. А. Зимина, битва под Оршей «задержала развитие русских успехов, но не могла их нейтрализовать».

Сражение на оршанском поле можно назвать крупным тактическим, но никак не стратегическим успехом ВКЛ. По наблюдению Герберштейна, «эта победа не дала королю ничего, кроме возвращения трёх крепостей по сю сторону Смоленска». В конечном итоге битва не повлияла на результаты войны 1512–1522 годов, поэтому вряд ли уместно представлять её генеральным сражением.

*Автор выражает признательность Я. И. Звереву за помощь в переводе латиноязычных документов.
г. Санкт-Петербург*

Источники

1. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 7.
2. Acta Tomiciana; Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Rponsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis T. III. 1514–1515. Poznań. 1853.
3. I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. T. XIX. Venezia. 1887.
4. Decius I. L. De vetustatibus Polonorum liber I. De Jagellonum familia liber II. De Sigismundi regis temporibus liber III. Cracoviae. 1521.
5. Bielski M. Kronika wszystkiego swiata. Kraków. 1564.
6. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa. 1846.
7. Scriptorum rerum Polonicarum. T. 2. Cracoviae. 1874.
8. ПСРЛ. Т. 6. СПб. 1853; Т. 13. СПб. 1904; Т. 35. М. 1980; Т. 43. М. 2004.
9. Псковские летописи. Вып. 1–2. М.; Л. 1941, 1955.
10. Разрядная книга 1475–1598 гг. М. 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М. 1977.